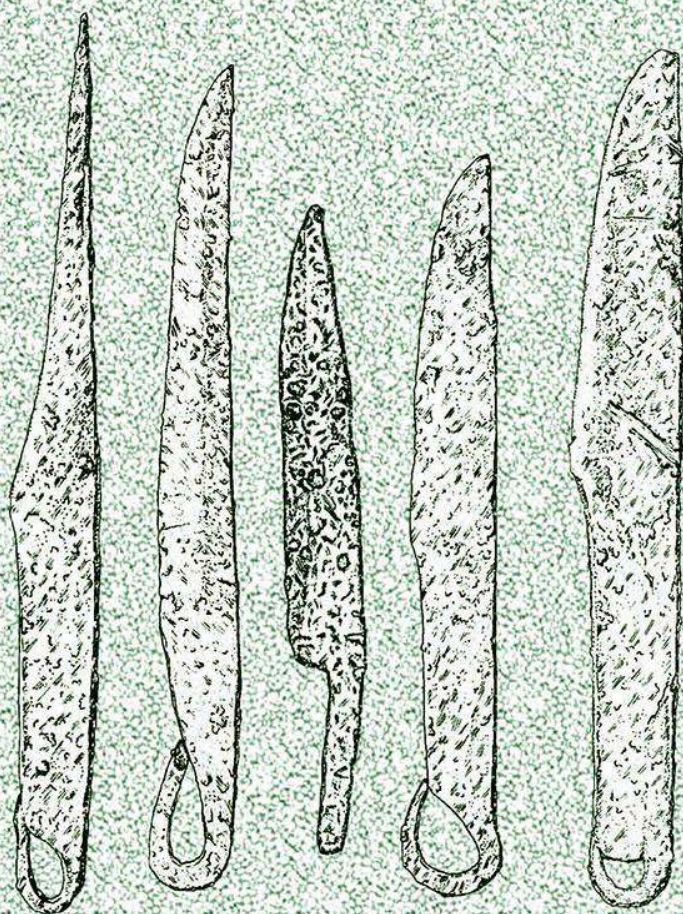

ДРЕВНОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Сборник научных трудов

Выпуск V

ПОСЕЛЕНИЕ ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕР-І НА АНГАРЕ

В ходе спасательных археологических работ в ложе водохранилища строящейся Богучанской ГЭС, по правому берегу Ангары выше устья р. Кода, на протяжении 4 км были выявлены и частично изучены 14 археологических памятников (пунктов), объединенных в «Ансамбль археологических памятников Шивера Проспихино»¹ (рис. 1).

Первые находки археологического материала с территории ансамбля были сделаны А. П. Окладниковым в 1937 году. На правом берегу Ангары, ниже д. Проспихино, им было отмечено неолитическое поселение². Летом 2006 г. разведочные работы на этой территории были проведены П. В. Мандрыкой³, а в сентябре 2006 г. отдельные находки с осыпи террасы в южной части ансамбля были собраны В. И. Макуловым⁴. С 2008 года

на памятниках ансамбля начаты спасательные раскопки.

Поселение Проспихинская Шивера-І расположено в центральной части ансамбля, в 2,5 км выше устья р. Коды. Культурный слой его распространяется на протяжении 300 м вдоль края 16-20-метровой террасы, поверхность которой разрезана небольшими логами (рис. 2). Памятник был выделен П. В. Мандрыкой в 2006 году. Тогда ему было присвоено название поселение Кода-7. В 2008 г. по результатам обследования археологических памятников, попадающих в зону затопления Богучанской ГЭС, разведочным отрядом Института археологии и этнографии СО РАН под руководством А. Н. Зенина и А. В. Постнова памятник переименовали и включили в ансамбль археологических памятников Шивера Проспихино⁵. Впоследствии мы согласились с переименованием памятника в Проспихинскую Шиверу [Мандрыка, Сенотрусова, 2008] в основном для того, чтобы отделить этот ансамбль от памятников кодинской группы (Кода I-IV и т. д.), которая находится на ангарском берегу ниже устья р. Коды.

¹Мандрыка П. В. Отчет по договору № 08/07/09 ИАЭТ СО РАН – ООО «НИПИИ ЭТ Стройрезерв». Проект «Спасательные археологические исследования (раскопки) и рекогносцировочные раскопки в зоне затопления БоГЭС в 2009 г. на территории ансамбля археологических памятников Шивера Проспихино». – Т. 1. Рекогносцировочные раскопки на территории ансамбля // Архив ЛА СФУ, Р-1. – № 73.

²Окладников А. П. Предварительный отчет о работе Ангарской археологической экспедиции в 1937 г. // Архив ИИМК, ф.2, оп. 1937, д. 222 – л. 5.

³Мандрыка П. В. Отчет о результатах археологических разведок в Большемуртинском, Качинском и Кежемском районах Красноярского края в 2006 году // Архив ЛАЭИС СФУ, Р-1 № 49. – 275 л.

⁴Макулов В. И., Артемьев Е. В., Заика А. Л. Отчет: Инвентаризация археологических памятников в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС. – Красноярск, 2006. – 222 с. Отчет

подготовлен только для заказчика работ в архив Института археологии РАН не поступал.

⁵Научно-технический отчет о выполненных работах по 1-му периоду выполнения работ по договору № 27/09/07/ИАЭТ. Проект «Водохранилище Богучанской ГЭС», раздел проекта – «Обеспечение сохранности объектов археологического наследия, расположенных в границах затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС на р. Ангара». – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. – 626 с.

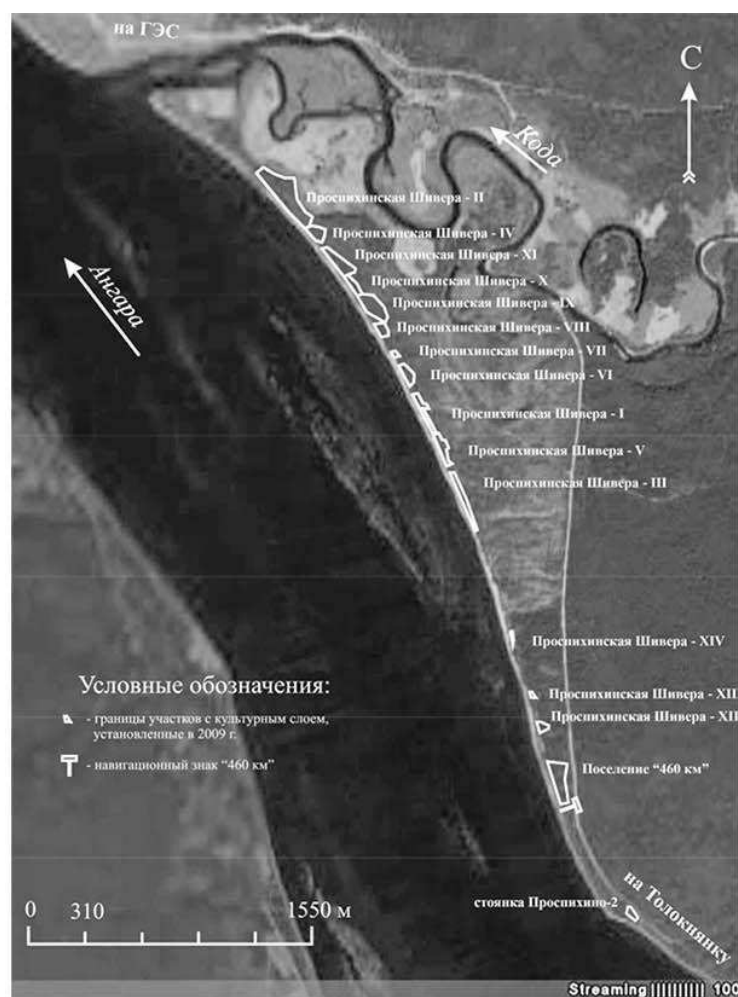

Рис. 1. Размещение на космоснимке археологических памятников (пунктов), объединенных в «Ансамбль археологических памятников Шивера Проспихино»

В ходе спасательных раскопок, которые проводились АЭ СФУ в 2006, 2008 и 2009 гг.⁶ и Проспихинским отрядом БогАЭ ИАиЭт СО РАН в 2011 г. [Мандрыка и др., 2011. С. 433], на поселении было вскрыто 970 кв. м. Во время работ

⁶Мандрыка П. В. Отчет о результатах археологических раскопок городища Пакуль в Большемуртинском районе и поселения Проспихинская Шивера в Кежемском районе Красноярского края в 2008 году // Архив ЛА СФУ, Р-1, № 64. – 149 с. Мандрыка П. В. Отчет о результатах археологических раскопок поселения Проспихинская Шивера в Кежемском районе Красноярского края в 2009 году // Архив ЛА СФУ, Р-1, № 69. – 149 с.

были получены многочисленные разрезы по всем стенкам раскопа и бровкам между участками. Это позволило изучить характер накопления и образования почв в разных точках памятника. Вдоль края террасы, в полосе 7-10 м, отмечен один культуросодержащий слой, который в глубине террасы разделяется на два.

Материалы средневекового поселения залегают под дерном и приурочены к первому слою мощностью 10-15 см, состоящему из темно-серой песчаной почвы с включением древесных углей.

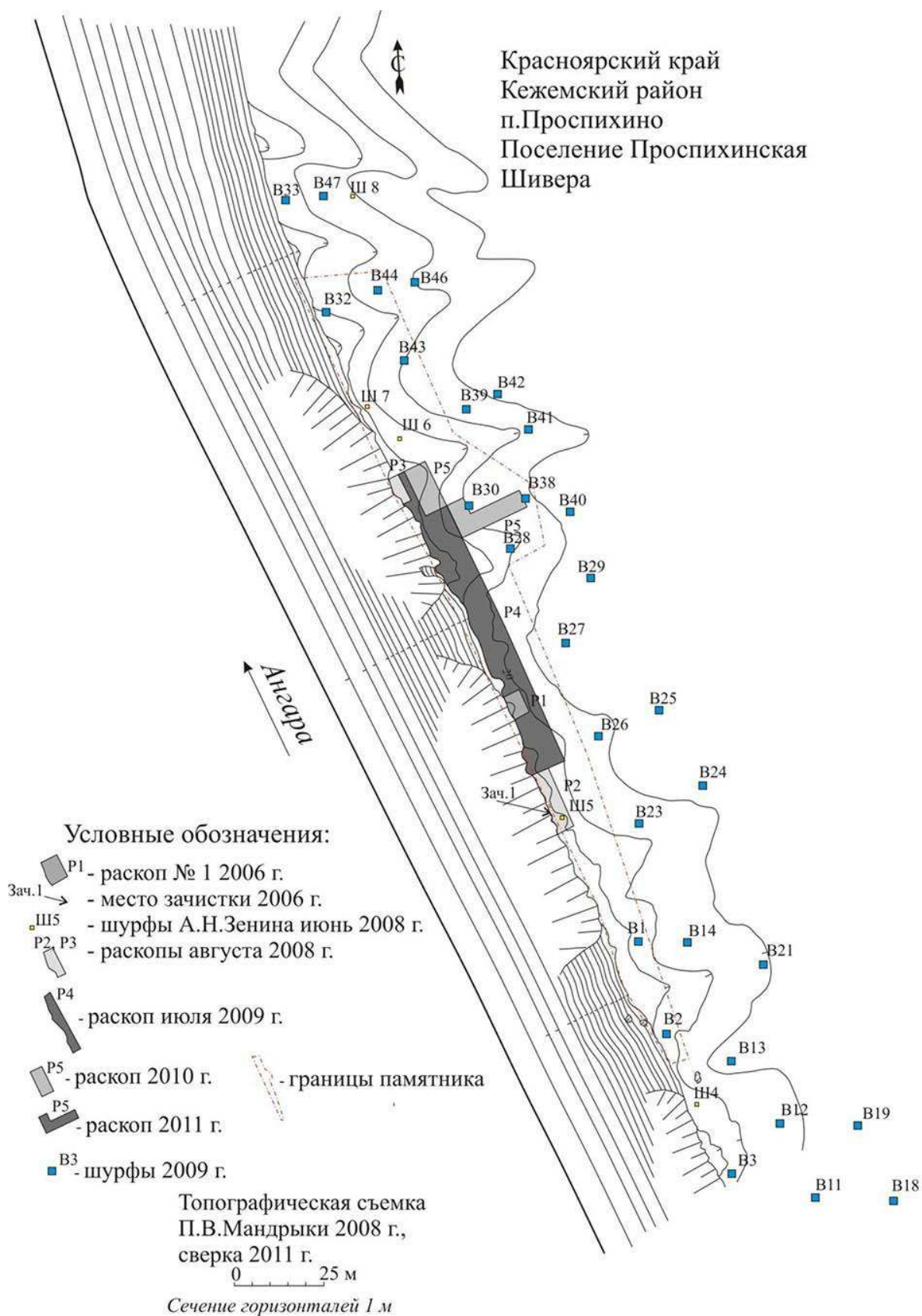

Рис. 2. Топоплан поселения Проспихинская Шивера-I

В этом же слое, в южной части раскопа, отмечены единичные каменные изделия бронзового века или неолита (наконечник стрелы треугольной формы с прямой базой из серого сланца и концевой скребок на пластинчатом кремнистом отщепе). В северной части раскопа, в русле ложбины, где слой включает линзы мощностью 3-4 см мешаной почвы, кроме артефактов средних веков, зафиксированы единичные находки бронзового века (83 фрагмента керамики, скребок из черепка, каменный призматический нуклеус и 4 каменных отщепа). Данные находки, очевидно, перемещены сюда вместе с мешаной почвой из глубины террасы в ходе лесосводных работ, которые проводились на территории памятника в прошлом веке.

Следы корчевки деревьев читаются и по ямам от выворотов, заполненным прокаленным мешаным песком (с включением древесного угля). Дно таких ям неровное: в них фиксируются проникающие вглубь конусовидные углистые углубления от ходов корней сожженных пней.

Изучение стратиграфической ситуации на памятнике показало, что первый слой лучше всего сохранился на 7-8-метровой полосе вдоль края террасы, которая не была затронута сплошной лесоочисткой. Здесь, на вскрытой площади, слой нарушен только местами: пятью выворотами и современной ямой под столб навигационного знака. В целом, если исключить поврежденные участки слоя, в нем *in situ* были зафиксированы материалы средневекового поселения, которые можно рассматривать в рамках одного культурно-хронологического комплекса.

Для слоя характерна высокая концентрация находок, особенно вокруг железоплавильных горнов, которые устраивались вдоль края террасы. В слое найдено более 3000 предметов. Среди них: фрагменты керамической посуды, отходы металлургического производства, кости животных, каменные и железные орудия, изделия из керамики. Часть этих материалов уже вводилась в научный оборот [Мандрыка, Сенотрусова, 2008; Мандрыка, Князева, 2011], другая часть публикуется в настоящем сборнике.

В слое были расчищены 4 железоплавильных горна углубленной конструкции. Горн № 1 (рис. 3) зафиксирован возле обрывистого края террасы, в центре раскопа. Сохранилась нижняя часть камеры горна, которая была устроена в округлой яме диаметром 30 см и глубиной 21 см. В яме сохранилась нижняя часть железоплавильной камеры с глиняными стенками. Камера имела цилиндрическую форму с толщиной стенок 5-7 см. На внутренней стороне стенок по всему периметру сохранился слой ошлаковки.

Внутренний диаметр камеры 18-20 см, глубина до 10 см. На ровном дне ямы был отмечен камень с плоской поверхностью. Глиняные стенки примыкали к камню сверху. Почва вокруг камеры и под камнем прокалена до красно-оранжевого цвета. С северо-западной стороны от горна, на уровне древней поверхности, отмечено углистое пятно размерами 40х60 см. Вокруг горна найдены разрозненные куски железных шлаков и обломки глиняной стенки от разрушенной верхней части камеры, а также обломки расколотых камней.

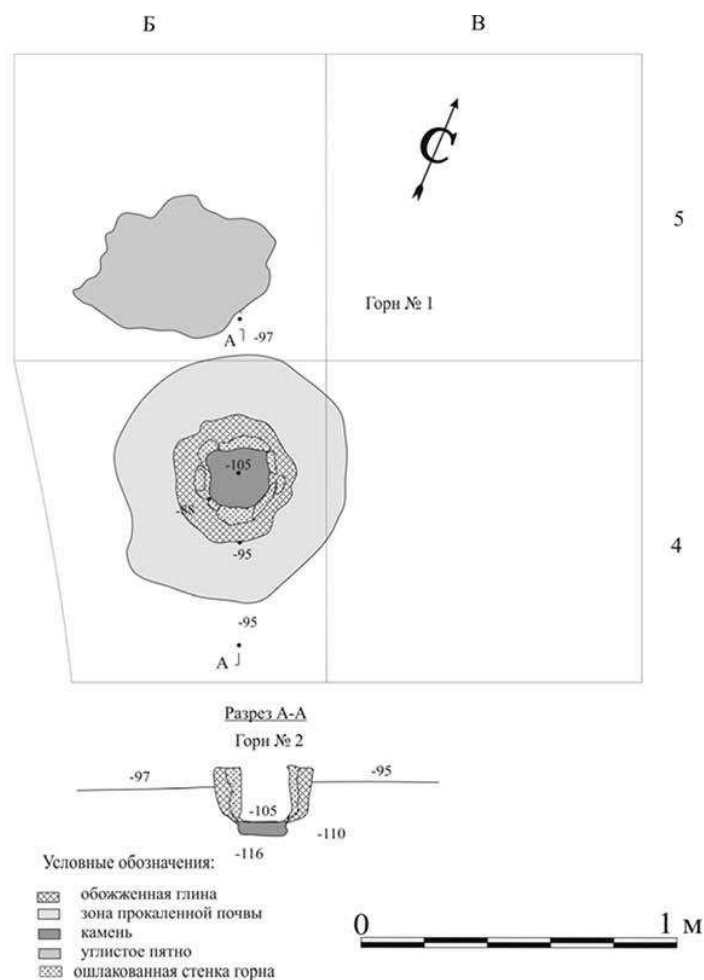

Рис. 3. Поселение Простихинская Шивера- I. План и разрез горна № 1

Горн № 2 (рис. 4) зафиксирован в 1 м от края террасы, в северной части раскопа. Отмечен развал глиняных стенок камеры горна с сохранившейся ямной частью. По устройству он близок предыдущему, он устраивался в яме, стенки которой обмазывались глиной. Глубина ямы 22-26 см при диаметре до 35 см. Толщина глиняных стенок 5-8 см. Их внутренняя сторона ошлакована. Внутренний диаметр камеры 20 см, глубина до 25 см. Почва вокруг горна была прокалена.

На древней поверхности возле него (с западной и восточной стороны) зафик-

сированы развалы стенок верхней наземной части камеры, которые также строились из глины. На восстановленной наземной части камеры горна в стенке отмечено одно отверстие диаметром 2 см. Здесь же возле горна отмечены куски железных шлаков и несколько крупных камней. Нижняя часть горна вместе с землей была перевезена в лабораторию, где при разборе на дне камеры был обнаружен камень с плоской поверхностью.

Горн № 3 (рис. 5) зафиксирован в 6 м от края террасы на юго-восточном борту ложбины, т. е. на склоне, обращен-

ном на запад. Сохранилась нижняя часть камеры горна, которая была сооружена в округлой яме диаметром 35 см и глубиной 35 см. Стенки ямы были обмазаны глиной. Получилась камера цилиндрической формы толщиной стенок 5-6 см. При сооружении стенок использовалась глина сине-зеленого цвета, что было отмечено на наружных, слабо прокаленных участках нижней части камеры. Внутренний диаметр камеры 20 см, глубина до 20 см.

Почва вокруг камеры с одной стороны сильно прокалена. С южной стороны от горна (на уровне древней поверхно-

сти) отмечены два крупных камня, возле одного – скопление фрагментов керамики. Изучение горна в лаборатории показало, что дно камеры устраивалось из камня с плоской поверхностью, а под ним была прокаленная докрасна почва.

Горн № 4 (рис. 6) зафиксирован на том же склоне ложбины, на 4 м севернее предыдущего горна. По устройству и сохранности он близок горну № 3. Сохранившаяся нижняя часть камеры была сооружена в округлой яме размерами 35x40 см и глубиной 30 см. Камера имела цилиндрическую форму с толщиной глиняных стенок до 5 см.

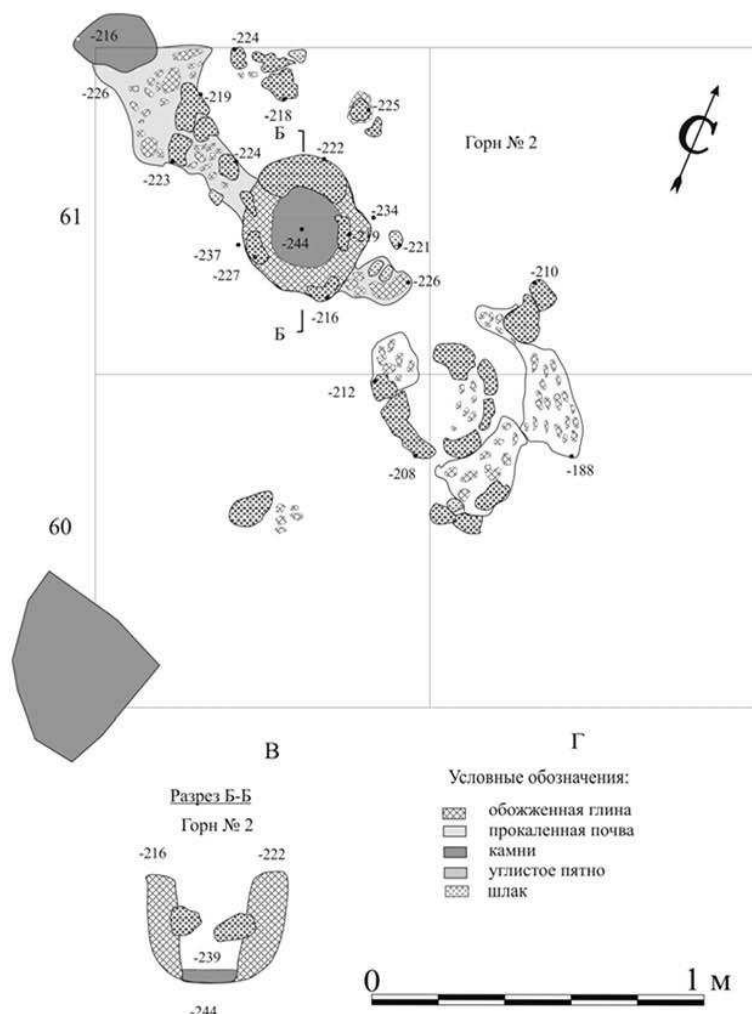

Рис. 4. Поселение Простихинская Шивера- I. План и разрез горна № 2

Кроме полуразрушенных горнов на площади раскопа были выявлены две ямы, заполненные кусками шлаков, фрагментами керамики и обломками костей животных. Присутствие рядом с ними (на уровне древней поверхности)

В процессе разбора культурного слоя отмечались углистые пятна и участки прокаленной почвы, мощность которых составляла до 2-3 см. Возможно, что эти участки с повышенным термическим воздействием сохранились как в итоге металлургической деятельности, так и в итоге лесного пожара.

С металлургическим процессом на поселении связано наличие в слое обломков керамических «крышек горнов» и трубчатых изделий.

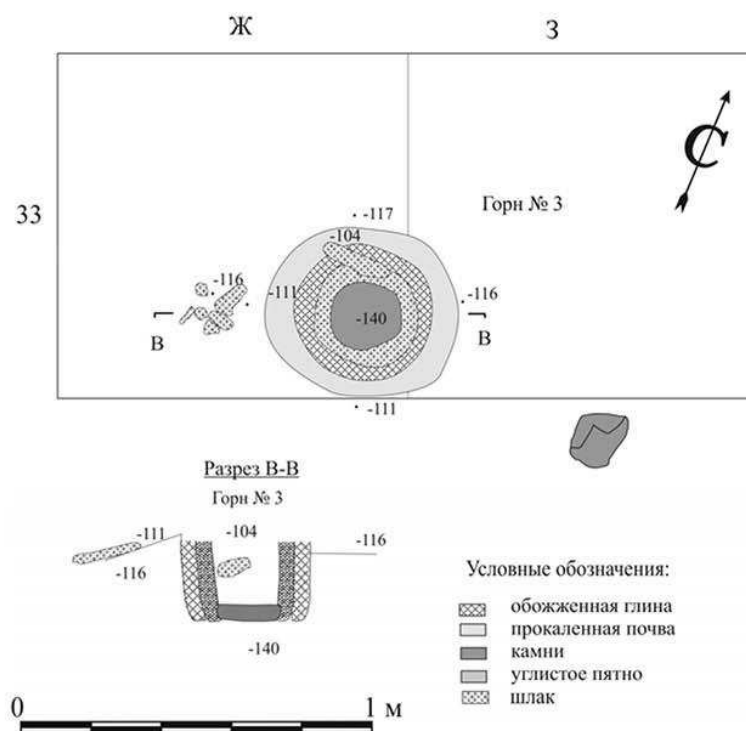

Рис. 5. Поселение Простихинская Шивера- I. План и разрез горна № 3

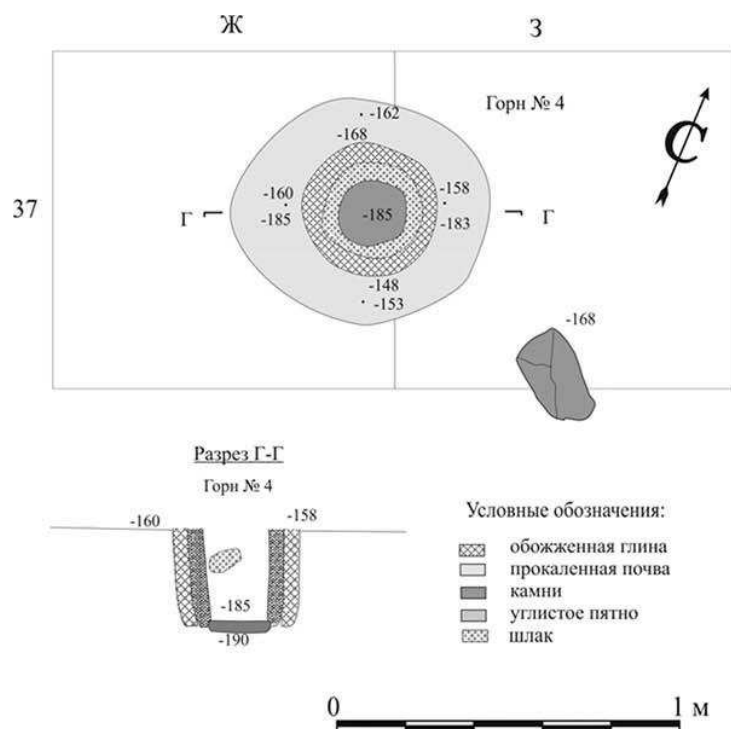

Рис. 6. Поселение Простихинская Шивера- I. План и разрез горна № 4

К «крышкам» отнесены толстостенные фрагменты от четырех плоских керамических лепешек, имеющих следы повышенного термического воздействия и прикипевшую с одной (внутренней) стороны корку шлака. Изделия частично восстанавливаются. Три «крышки» округлой дисковидной формы, четвертая – в форме плоского параллелограмма с закругленными углами (рис. 7 – 1-4). У дисковидных радиус дуги края равен 12-13 см, т. е. диаметр этих «крышек» был 24-26 см. Одна из них толстая: толщина у края от 1 см постепенно увеличивается к центру до 3 см и более. Две другие «крышки» равномерной толщины: 0,8 см и 1,3 см.

Размеры подквадратной «крышки» не устанавливаются, но (судя по фрагментам) она была не менее 12х12 см с толщиной от 1,5 см у края и до 3 см ближе к центру.

Два изделия без орнамента, два – украшены оттисками пальцевых защипов. Орнаментировались край «крышки» и поверхность, где защипы наносились параллельными рядами и покрывали все пространство. На тонкой «крышке» орнаментом покрыты обе стороны. На одном фрагменте «крышки» под выступающим краем отмечено отверстие диаметром 0,6 см.

Керамические трубчатые изделия (цилиндрические емкости) с плоским, расплюснутым дном (рис. 7 – 5-14). На раскопе найдено 28 фрагментов от 17 изделий (количество определено по основаниям). По размеру они разделяются на две группы. Высота одних целых изделий 3,5-3,7 см, диаметр устья 2,0-2,2 см, диаметр основания 2,5-2,8 см, толщина дна 0,3-0,8 см. Количество таких изделий – 12 штук.

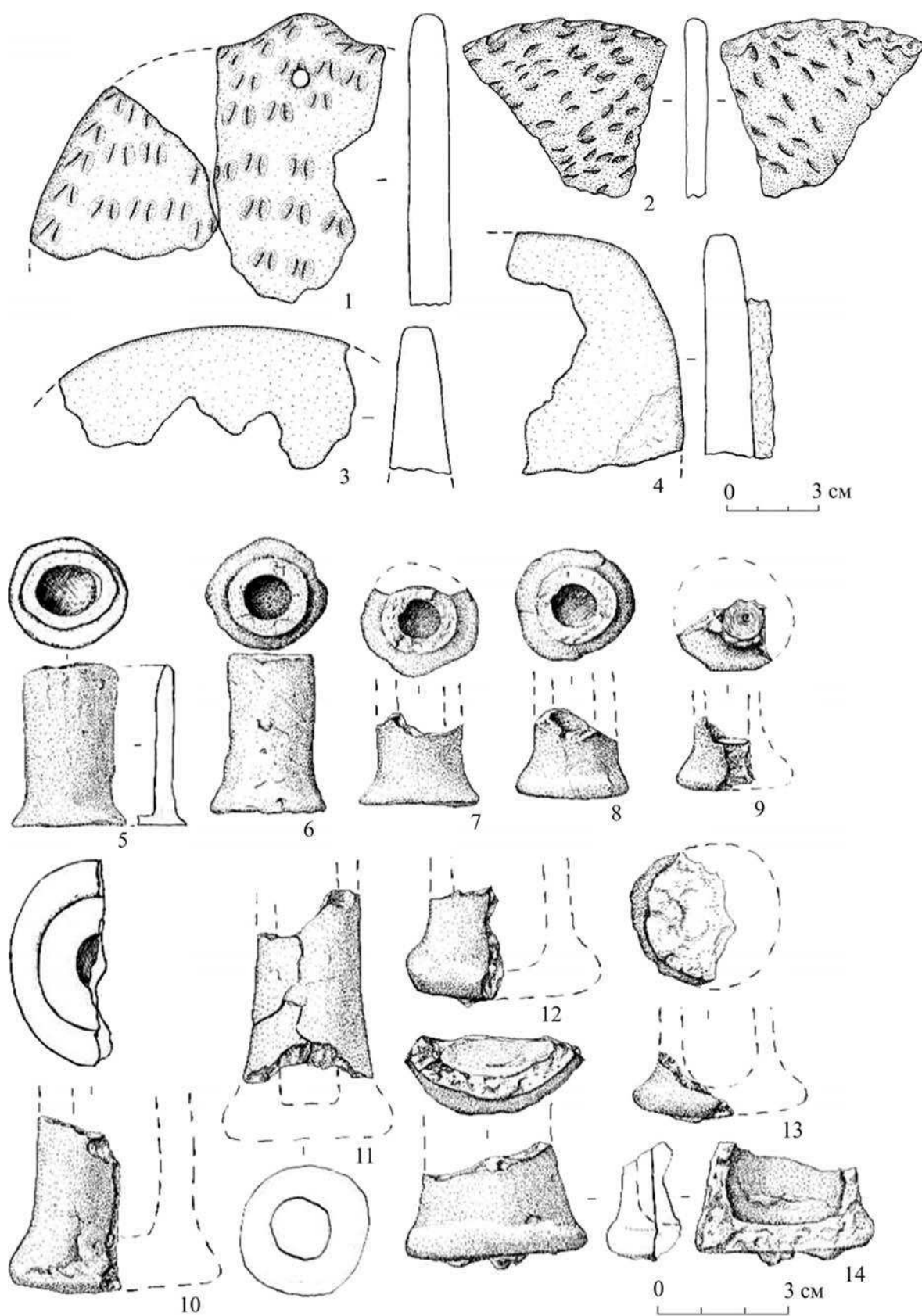

Рис. 7. Поселение Простихинская Шивера- I. Керамические изделия:
1-4 – фрагменты «крышек»; 5-15 – трубчатые изделия и их обломки

Вторая группа включает 5 изделий более крупных размеров. Они представлены обломками оснований, диаметр которых 3,5-4,0 см.

Все изделия – из такой же формовочной массы, что и керамическая посуда (с примесью дресвы). На предметах отмечены следы повышенного термического воздействия: перекаленные стенки, прикипевшие капли шлака на наружной поверхности, на некоторых – и внутри, возле «дна». Наружная поверхность «дна» ровная, кромка утончается. Изделия прикреплялись к какой-то ровной плоской поверхности. Назначение этих изделий не установлено, но они как-то связаны с металлургией, возможно, использовались в качестве ручек, которые прикрепляли к крышке горна.

Выводы. Характер культурного слоя, наличие железоплавильных горнов и участков с повышенным температур-

ным воздействием, присутствие каменных орудий для подготовки руды, обработки горячего и остывшего металла (молотов и терочников для дробления руды, молота и наковальни дляковки горячего металла, оселков и точильных камней), кузнечного лома и железного ножа, переоформленного в пробойник, указывают на то, что на поселении устраивались производственные площадки. На них сыродутным способом получали железо из руды, проводили первичную проковку (отжим) крицы и изготавливали железные изделия.

Изученные на поселении железоплавильные горны однотипны: они состояли из углубленной и наземной части (рис. 8). Аналогичные печи, представляющие собой углубление в земле, обмазанное глиной, были широко распространены на берегах Ангары с раннего железного века до Средневековья.

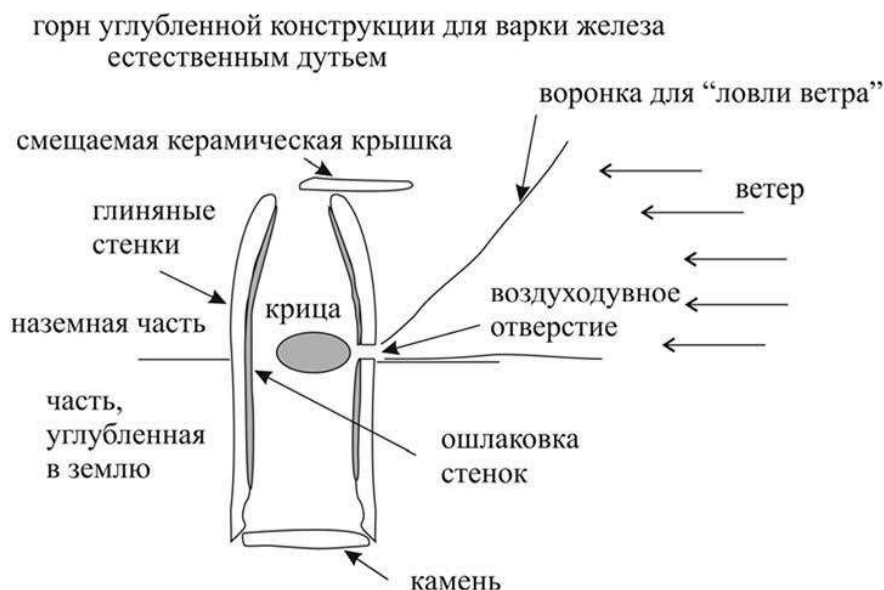

Рис. 8. Схема реконструированного железоплавильного горна поселения
Простихинская Шивера-I

На стоянке Усть-Кова такой горн из раскопок 1976 г. продатирован радиоуглеродным методом, в результате которого получена дата: 2450 ± 50 (ГИН-252) [Гладилин, 1985. С. 168]. Близкий горн, устроенный в яме с обмазанными глиной стенками, отмечен А. П. Окладниковым на о. Сосновый, выше Иркутска, возле истока Ангары из Байкала. Нижняя часть слоя этого памятника, в котором была отмечена керамика с тонкими налепными валиками и бронзовый петельчатый нож, относится «к самому раннему железному веку»⁷ [Окладников, 1953].

На Проспихинской Шивере-I горны устраивались на краю террасы и склонах, имеющих западную экспозицию, т. е. со стороны дующего в летний период года (июнь, июль, начало августа) теплого ветра, иногда ураганного. Такое размещение печей, а также отсутствие керамических сопел и наличие одного воздухоудного прохода в стенке горна на уровне древней поверхности позволяют восстановить систему нагнетания воздуха для раздува углей. Для этого, вероятно, «ловили» ветер с помощью воронки, которой направляли воздушный поток в отверстие в стенке горна. Наличие «съёмных, смещающихся крышек» вместо глухого или открытого свода плавильной камеры позволяло регулировать поток выходящего газа и, следовательно, поступающего воздуха, а также предотвращать выплескивание кипящего шлака из печи.

---

⁷ Окладников А. П. Отчет о раскопках на Сосновом острове Ангары. Об исследованиях на Северном и Лесном островах на Ангаре летом 1952 г. // Архив ИИМК.

Для сооружения стенок плавильных камер горнов (обмазки стенок ям, вырытых в песчаных почвах) использовалась специально принесенная глина сине-зеленого цвета. Ее выходы были отмечены нами на берегах р. Коды в 1 км от места поселения. Как показали археологические шурфы и 8-метровый разрез борта террасы, на месте поселения, в толще террасы, слоев глины нет.

Руду для получения кричного железа, очевидно, также доставляли к месту варки. Не исключено, что источником сырья выступали глыбы долеритов или магнетитов, которые приносило льдом во время весеннего половодья. На вскрытой части поселения в слое найден только один небольшой кусок руды и нет ее крошек, хотя орудия для ее дробления на поселении отмечены [Мандрыка, Князева, 2011]. Возможно, что руду крошили аккуратно на каких-то подстилках из шкуры или бересты.

Для варки железа использовали высококалорийное топливо – древесный уголь. Отсутствие на поселении и всей территории ансамбля ям, в которых дерево могло выжигаться на уголь, может указывать на то, что уголь, возможно, собирали после лесных пожаров. Обугленные стволы деревьев и корневища могли выступать хорошим и доступным источником топлива для железоплавильных печей.

Вместе с металлургией на поселении шла другая хозяйственная деятельность, в частности, выделка шкур с помощью скребков с железным вставным лезвием из каменных плиток или сколов. На комплексное веде-

ние хозяйства указывает состав остеологического материала. В слое встречены колотые кости коровы, лошади, косули, марала, северного оленя, соболя, собаки и рыб⁸.

Незначительная мощность культурного слоя, характер деятельности его обитателей указывают на сезонный (летний) характер посещения места,

---

⁸ Остеологические определения проведены к.б.н. Н. Д. Оводовым, за что авторы выражают ему огромную признательность.

причем на короткое время и носителями одной культурной традиции. Для нее характерны железоплавильные горны углубленного типа с наземной надстройкой и глиняными стенками, тонковаликовая керамика ковинского стиля, железные ножи с петельчатым окончанием рукояти, керамические трубчатые изделия и др.

Датировка поселения (судя по аналогиям представленному материалу) может лежать в пределах второй половины I тыс. н. э.

Список литературы

Гладилин, А. В. Металлургия Среднеангарья / А. В. Гладилин // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 167-180.

Мандрыка, П. В. Каменные орудия средневекового поселения Проспихинская Шивера-I: функционально-трасологический анализ / П. В. Мандрыка, Е. В. Князева // Вестник НГУ. – Сер. История, филология. – Т. 10. – Вып. 3. – Археология и этнография. – 2011. – С. 155-162.

Мандрыка, П. В. Материалы средневекового селища у Проспихинской Шиверы в Нижнем Приангарье (предварительное сообщение) / П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова // Окно в неведомый мир: сб. ст. к 100-летию со дня рождения А. П. Окладникова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2008. – С. 279-284.

Мандрыка, П. В. Результаты работ на ансамбле археологических памятников Шивера Проспихино на Ангаре / П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова, К. В. Бирюлева // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т. XVII – С. 432-436.

Окладников, А. П. Археологические раскопки на Ангаре и за Байкалом / А. П. Окладников // КСИИМК. – 1953. – Вып. 51. – С. 16-22.

ЖЕЛЕЗНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА-I

В ходе проведения раскопок на поселении Проспихинская Шивера-I была получена многочисленная коллекция предметов, в состав которой входят в том числе и железные изделия. Их количество невелико, но они достаточно представительны. Среди них выделяют орудия труда и металлический лом.

Орудия труда. Лезвие скребка выполнено на пластине вытянутой трапецевидной формы с расширяющимся, загнутым на 90 гр заточенным выпуклым рабочим краем (рис. 1 - 5). Размеры орудия 6,5х2,0х0,2 см.

Ножи по соотносению оси клинка и оси насада относятся к двум группам.

Группа 1. Нож с выпуклой спинкой, черешковый, с ярко выраженным лезвийным уступом, с односторонней (левосторонней) заточкой лезвия (рис. 1 - 4). Общая длина ножа 14,0 см, клинка - 10 см; ширина 1,8 см; толщина 0,3 см.

Группа 2. Ножи (3 экз.) с прямой спинкой, плавным лезвийным уступом и петельчатым окончанием рукояти; кончик петли тонкий, слегка подогнут. Ножи с односторонней заточкой лезвия различаются по форме петли: окончание рукояти одного ножа оформлено в виде «арки» на прямом основании. Размеры: общая длина 16,0 см; рукояти - 7,5 см; ширина клинка 1,7 см; толщина 0,2 см (рис. 1 - 2); рукоять второго ножа оканчивается округлой петлей. Размеры: общая длина 18,5 см; клинка - 9,2 см; ши-

рина - 2,4 см; толщина 0,3 см (рис. 1 - 7); окончание сужающейся рукояти третьего ножа загнуто в асимметричную петлю каплевидной формы, общая длина этого ножа 17,7 см; ширина клинка 1,7 см, толщина 0,2 см (рис. 1 - 3). Орудие с заостренным стержнем - пробойник(?) или шило(?). Изначально изделие представляло собой нож со слегка выпуклой спинкой, лезвийным уступом и петельчатым окончанием рукояти (рис. 1 - 1). Затем лезвие было свернуто в стержень, расковано и заострено. Длина получившегося орудия 19,5 см; ширина 1,9 см; толщина 0,2 см. Форма данного изделия и наличие ошлаковки на конце острия позволяют предположить, что оно выступало в качестве орудия ударно-проникающего действия; возможно, использовалось в металлургии.

В категорию орудий входит и обломок лезвия железного тесла. Размеры обломка 2,4х4,7х0,5 см (рис. 1 - 6).

Металлический лом. Железные пластины (5 экз.) могут быть отнесены к отходам кузнечного производства. Одна пластина размерами 11,0х0,4х0,2 см вырублена из листа металла. Две пластины вытянутой формы размерами 3,9х0,6х0,1 см и 7,0х0,7х0,1 см раскованы из тонкого листа. Еще на двух обломках (размерами 1,9х2,1х0,1 см и 2,5х3,0х0,1 см) листового железа неправильной формы фиксируются пробитые округлые отверстия.

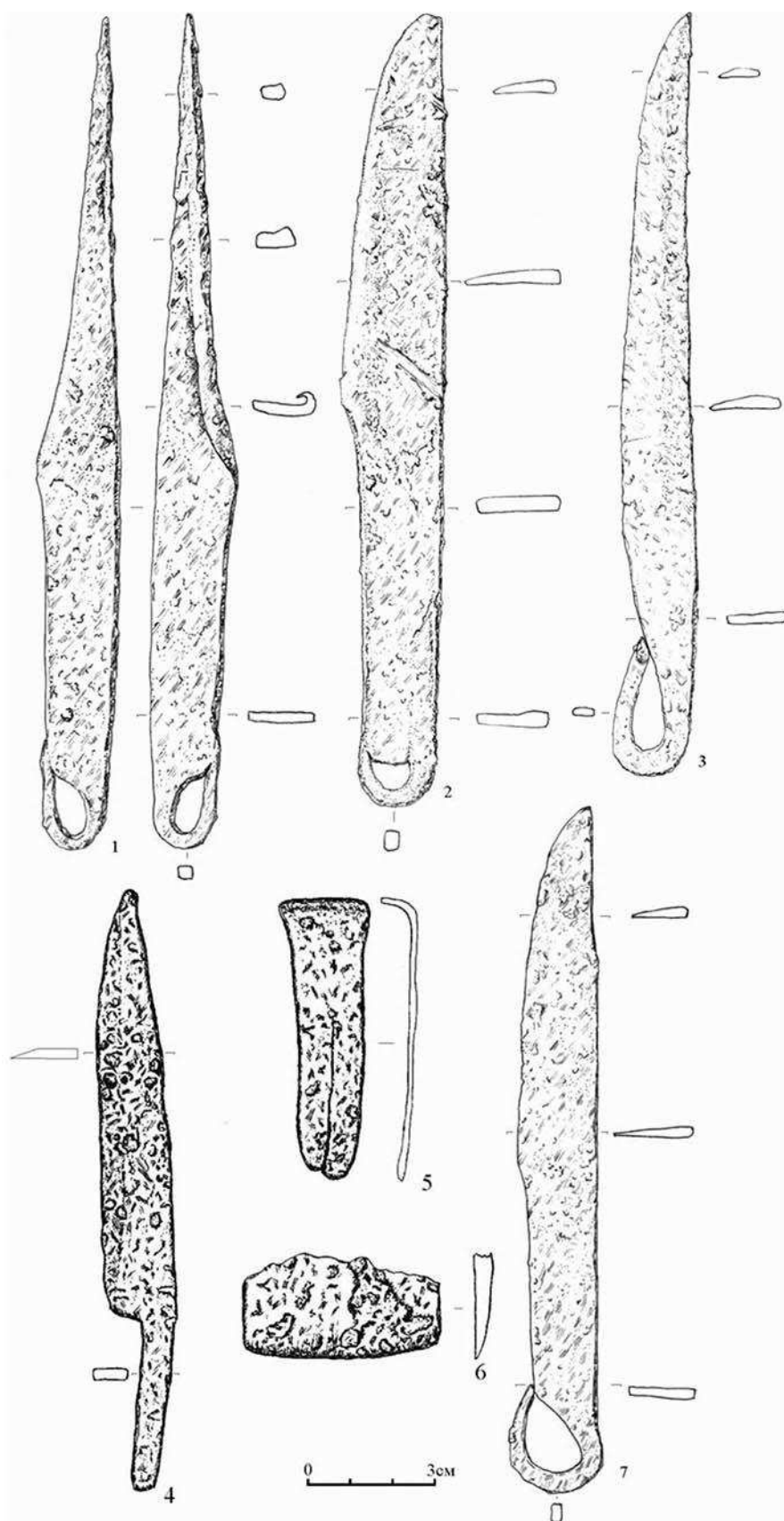

Рис. 1. Железные орудия поселения Простихинская Шивера-I:
1-3, 4, 7 – ножи; 5 – скребок; 6 – лезвие тесла

Найден железный брусок (прямоугольный в сечении), один конец которого закруглен, второй – обрублен, возможно, зубилом. Предмет может выступать кузнечной заготовкой. Размеры бруска 4,3х1,3х0,6 см. Обозначенные железные изделия были оставлены в процессе различных занятий обитателями средневекового поселения на берегах р. Ангары. Среди них есть орудия, которые могли использоваться как в повседневной жизни (ножи), так и в скорняжном деле (скребок), а также предметы, свидетельствующие о такой специализированной деятельности, как обработка черного металла. Занятие металлургией на поселении подтверждается наличием железоплавильных горнов и присутствием каменных орудий, использовавшихся в кузнечном деле [Князева, 2011].

Анализ металлических изделий, найденных на поселении, позволяет нам осветить некоторые вопросы хронологии отдельных категорий предметов, распространенных на территории Приангарья. В целом, что касается железных изделий с поселения Проспихинская Шивера-I, то они находят широкий круг аналогий как в материалах Северного Приангарья, так и на более обширных территориях, включающих в себя бассейн Среднего Енисея, таежные и лесостепные районы Западной и Южной Сибири.

Лезвия скребков, выполненные на железных пластинах, известны в материалах могильников Проспихинская Шивера-IV (раскопки авторов), Усть-Кова [Леонтьев, Дроздов, 1996] и в погребении в устье р. Коды [Леонтьев, Ермолаев, 1992]. При этом скребки из погребений представляют собой желез-

ные S-образные пластины с двумя противоположно загнутыми и заточенными лезвиями [Леонтьев, Ермолаев, 1992. Рис. 18], чем они отличаются от Г-образного лезвия скребка с Проспихинской Шиверы.

Согласно этнографическим материалам железные пластины лезвий скребка вставлялись перпендикулярно в центральную часть вытянутой деревянной рукояти, которую с двух торцов держал работающий человек. При этом S-образное лезвие могло быть как цельным, так и разделенным на две половинки Г-образной формы. Такие скребки присутствуют в фондах Красноярского краеведческого музея, в коллекциях предметов материальной культуры эвенков и кетов [ККМ № 1514-25; 1584-3 (1); 1584-3 (2); 1572-73 и др.].

Территория, откуда поступили данные находки, очерчивается преимущественно северными районами Красноярского края. Можно сказать, сама форма скребков данного типа оказывается удобной и постепенно приобретает универсальный характер, что подтверждается присутствием подобных изделий в комплексах от Средневековья до этнографического времени.

Ножи, найденные на поселении Проспихинская Шивера-I, разнообразны и находят аналогии в широком территориальном диапазоне. Так, ножи с выгнутой (горбатой) спинкой, прямым лезвием и наклонным черешковым насадом среди сибирских материалов встречаются часто. На территории Приангарья они найдены на Чадобце [Гладилин, 1985. С. 177], а также на могильнике Усть-Кова среди предметов риту-

ального захоронения [Леонтьев, Дроздов, 1996. С. 42].

В Томском Приобье подобные ножи известны среди предметов сопроводительного инвентаря из курганов № 1 и 7 Релкинского могильника (VI-VIII вв.) [Чиндина, 1977. С. 25]. Следует отметить, что эти ножи отличаются от ангарских более широким и массивным черешком, а также наличием дола на клинке. Нож с выгнутой спинкой и плавным лезвийным уступом был найден в культурном слое городища Сопка-1, расположенного в Барабинской лесостепи.

Авторы работ датируют памятник первой половиной I тыс. н. э. [Елагин, Молодин. С. 88]. Аналогичный нож был найден во впускной могиле кургана-6 Пазырыкского могильника: этот погребальный комплекс был отнесен А. А. Гавриловой к материалам одинцовского этапа (IV-V вв.) [Гаврилова, 1965. С. 53]. Подобные ножи А. И. Соловьев относит к поясным ножам, которые бытовали в таежной зоне Западной Сибири в пределах IV-IX вв. (Соловьев, 1987. С. 88). На основании приведенных выше данных можно считать, что ангарские ножи с выгнутой спинкой и лезвийным уступом могут быть датированы второй половиной I тыс. н. э.

Отдельно хотелось бы остановиться на вопросах, связанных с определением хронологии и культурной принадлежности ножей с оформленной рукоятью. Находки подобных ножей с территории Северного Приангарья многочисленны, и их анализу посвящено несколько работ; тем не менее единого мнения среди исследователей по вопросам терминологии, используемой при описании данной категории орудий,

их хронологии и культурной принадлежности до сих пор не выработано.

В настоящее время в литературе встречаются разнообразные термины по определению подобных ножей: их называют и «кольчатыми», и «петельчатыми», и «петельными», и «ножами с кольцевидным навершием». При этом отсутствие разработанной типологии приводит к смешению этих понятий, препятствует разработке относительной хронологии предметов данного типа, затрудняет их анализ.

Так, еще А. В. Гладилин, А. В. Ермолаев и В. П. Леонтьев выделяли среди ангарских ножей тип I, который характеризуется наличием оформленной рукояти: при этом они вычленяли ножи с кольчатой, петлеобразной и крючковой рукоятью [Гладилин, Ермолаев, Леонтьев, 1986. С. 43]. Но датировка для всех приведенных разновидностей ножей приводится общая – в рамках IV-II вв. до н. э. – а затем, по мнению А. В. Гладилина, широкое распространение получают черешковые орудия [Гладилин, 1985. С. 178].

В автореферате диссертации В. П. Леонтьева высказывается иная точка зрения, согласно которой ножи с петельчатым навершием появляются во II-I вв. до н. э. и продолжают бытовать вплоть до VIII-IX вв. н. э. [Леонтьев, 1999. С. 19].

В. И. Привалихиным и С. М. Фокиным приведена обширная сводка ножей с оформленной рукоятью, найденных на территории нижнего течения р. Ангары. Авторы объединяют их в один тип, называя «ножами с кольцевидным навершием», и отрицают возможную датировку в пределах раннего железного века, относя их появление к эпохе Сред-

невековья. При этом они отмечают длительный период бытования подобных ножей, вплоть до XIX века [Привалихин, Фокин, 2009. С. 317].

Как видно из приведенных материалов, единого мнения по поводу терминологии и хронологии ножей данного типа среди ученых нет. В настоящее время происходит смешение терминов, что не позволяет точно понять, о предметах какого типа идет речь в конкретном случае. По всей видимости, следует разработать структурированную типологию ножей с наконечниками, что позволит получить четкие критерии хронологической принадлежности отдельных типов ножей.

Это станет возможным только при опоре на материалы погребальных комплексов и однослойных поселений региона. В этом отношении особое значение приобретают материалы с поселения Проспихинская Шивера-I и могильника Проспихинская Шивера-IV.

По нашему мнению, среди ножей с оформленной рукоятью необходимо выделить и характеризовать конкретные виды этих предметов, которые будут иметь различную хронологическую, а возможно и культурную, принадлежность. Сразу следует оговориться, что мы рассматривали только те ножи, которые найдены на указанных выше памятниках, в комплексах, имеющих достаточно четкую хронологическую привязку. Другие разновидности ножей с оформленной рукоятью имеют свои особенности, рассмотрение которых возможно лишь с привлечением соответствующих материалов.

Как уже отмечалось, достаточно спорным является вопрос о времени появле-

ния ножей с петельчатым окончанием рукояти на территории Приангарья. Надо сказать, что в степных и лесостепных районах Забайкалья и Южной Сибири ножи с рукоятью, оформленной на конце петлей, получают распространение в II-I вв. до н. э., где они характеризуют культуру ранних хуннов [Давыдова, 1996. С. 24] и встречаются в памятниках тесинского этапа [Пшеницына, 1975. Рис. 3 – 17-21]. К ножам данной группы примыкает находка из жилища 8 с городища Шилка-2, расположенного в южнотаежной подзоне Среднего Енисея (Мандрыка, 2003а. Рис. 4-2). Ножи этого времени сохраняют многие черты бронзовых ножей тагарской эпохи: у них выпуклая спинка, ширина рукояти практически равна ширине лезвия, нет лезвийного уступа. Однако находки таких железных ножей, которые были бы привязаны к закрытым комплексам и четко датированы гуннским временем, в Приангарье пока неизвестны.

Для датировки ножей с поселения Проспихинская Шивера-I важным фактором является их сходство с предметами из ритуального захоронения с могильника Усть-Кова [Леонтьев, Дроздов, 1996. Рис. 5], датируемого VIII-X вв. Ножи с Усть-Ковы также имеют петельчатое наконечник, прямую спинку, широкую рукоять, одностороннюю заточку лезвия. К сожалению, другие аналогичные ножи из Северного Приангарья происходят из памятников с мешаным культурным слоем и не могут быть использованы для уточнения хронологии бытования.

Интересно сравнить ножи с Проспихинской Шиверы-I с ножами данного

типа более позднего времени. В этом отношении эталоном выступают материалы, полученные в результате исследования могильника Проспихинская Шивера-IV, датированного XI-XIV вв. На могильнике ножи были отмечены в 18 погребениях, при этом только 7 экземпляров ножей сохранились удовлетворительно и могут быть использованы для анализа.

Это ножи с прямой спинкой, слабо-выраженным лезвийным уступом, одно-сторонней заточкой лезвия, рукоять ножа равна по длине клинку или чуть длиннее его. В шести случаях на рукояти отмечены поперечные насечки. Также на шести ножах окончание рукояти оформлено кольцевидным навершием, которое изготавливалось путем загибания раскованного кончика рукояти. Данная технология изготовления навершия свойственна и находкам с Проспихинской Шиверы-I, но форма его меняется и становится кольцевидной. Подобные ножи также известны в погребении в устье р. Коды [Леонтьев, Ермолаев, 1992. С. 18], на могильнике Отико [Привалихин, Фокин, 2009. Рис. 7-3], на городище Лесосибирское-1 (Мандрыка, 2003б; Привалихин, Фокин, 2009, Рис. 2 - 17). Все обозначенные памятники датируются в пределах развитого Средневековья и сопоставляются с

материалами могильника Проспихинская Шивера-IV.

Таким образом, мы предлагаем разделить ножи с оформленной рукоятью на два вида: первый – это ножи с петельчатым навершием, второй – ножи с кольцевидным навершием. Для ножей первого вида характерны широкая рукоять и более массивное лезвие. Ножи второго вида отличаются более узкой и длинной рукоятью, узким лезвием, они часто украшены насечками на рукояти. Данное разделение позволит избежать терминологических неточностей при описании орудий, а также может быть использовано для построения хронологических схем развития ножей с оформленной рукоятью.

По имеющимся на сегодня данным ножи первого вида могут быть датированы, в рамках временных пределов I тыс. н. э., а второго – в рамках конца I – начала II тыс. н. э. Мы можем предполагать, что форма ножей с кольцевидным навершием является продолжением развития вида петельчатых ножей.

В целом железные предметы с поселения Проспихинская Шивера-I находят аналогии с материалами Усть-Ковинского могильника, а также с другими памятниками сопредельных территорий, а потому могут быть датированы второй половиной I тыс. н. э.

Список литературы

- Василевский, Р. С. Стоянка и могильник Капонир / Р. С. Василевский, Д. Ю. Березин, В. И. Привалихин // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 32-39.
- Гаврилова, А. А. Могильник Кудэргэ как источник по истории алтайских племен / А. А. Гаврилова. – М., Л.: Наука, 1965. – 145 с.
- Гладилин, А. В. Металлургия Среднеангарья / А. В. Гладилин // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 167-180.

Гладилин, А. В. Природно-климатические условия эпохи железного века Северного Приангарья / А. В. Гладилин, А. В. Ермолаев, В. П. Леонтьев // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 39-54.

Давыдова, А. В. Иволгинский археологический комплекс. Иволгинский могильник / А. В. Давыдова. – Т. 2. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. – 176 с.

Елагин, В. С. Бараба в начале I тыс. н.э. / В. С. Елагин, В. И. Молодин. – Новосибирск: Наука, 1991. – 126 с.

Князева, Е. В. Технология металлургии и металлообработки на территории Нижнего Приангарья в средние века: опыт экспериментально-трассологических исследований / Е. В. Князева. – Вестник НГУ, Сер.: История, филология. – 2011. – Т. 10. – Вып. 5. – С. 108-116.

Леонтьев, В. П. Железный век Северного Приангарья. Автореф. дис. канд. ист. наук / В. П. Леонтьев. – Новосибирск, 1999. – 25 с.

Леонтьев, В. П. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре / В. П. Леонтьев, Н. И. Дроздов // Гуманитарные науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 39-46.

Леонтьев, В. П. Погребение с трупосожжением со стоянки Усть-Кода / В. П. Леонтьев, А. В. Ермолаев // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. – Красноярск: Красноярский университет, 1992. – Т. 2. – С. 16-19.

Мандрыка, П. В. Городище Шилка-2 – памятник железного века южной тайги Среднего Енисея / П. В. Мандрыка // История и культура Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО КГПУ, 2003а. – С. 32-52.

Мандрыка, П. В. Средневековое городище в Енисейской тайге / П. В. Мандрыка // Вестник НГУ. – Сер.: История, филология. – Т. 2. – Вып. 3: Археология и этнография – Новосибирск: Новосибирский университет, 2003б. – С. 89-91.

Мандрыка, П. В. Поселение Стрелковское-1 – новый многослойный памятник в нижнем течении реки Ангары / П. В. Мандрыка, С. М. Фокин // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее // Материалы Региональной научно-практической конференции. – Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2003. – С. 92-98.

Мандрыка, П. В. Могильник Усть-Шилка-II как индикатор культурно-исторической ситуации раннего железного века Енисейского Приангарья / П. В. Мандрыка // Вестник НГУ. – Новосибирск: НГУ, 2008. – Сер. История, филология. – Т. 7. – Вып. 3. Археология и этнография. – С. 117-131.

Привалихин, В. И. Железные ножи с кольцевидным навершием Северного Приангарья, Среднего Енисея и Эвенкии / В. И. Привалихин, С. М. Фокин // Енисейская провинция: Альманах. – Вып. 4. – Красноярск: ККМ, 2009. – С. 311-326.

Пшеницына, М. Н. Третий тип памятников тесинского этапа / М. Н. Пшеницына // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 150-162.

Соловьев, А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья / А. И. Соловьев. – Новосибирск: Наука, 1987. – 193 с.

Чиндина, Л. А. Могильник Релка на Средней Оби / Л. А. Чиндина. – Томск: Изд. Том. ун-та, 1977. – 195 с.

КЕРАМИКА СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА-I

На поселении в первом слое было найдено более 3 тыс. черепков «валиковой» керамики, позволивших их отнести на основании фрагментов венчиков к 61 сосуду. Диагностика керамики проведена для 44 сосудов, от которых сохранились наиболее крупные фрагменты. Полностью восстановленных сосудов нет, для восьми (по крупным склеенным блокам) можно восстановить верхнюю половину формы. Все сосуды лепные, разнообразных размеров, диаметр по венчику от 8 до 38 см.

Керамика изготавливалась из отощенных грубоструктурных масс. Рецептура включает дресву, иногда шамот. В некоторых образцах отмечается пористая структура излома и стенок, что может указывать на добавление в тесто какой-то органики.

Способ формовки сосудов устанавливается для 10 форм. Они лепились ленточным способом, при этом ширина лент составляла 2-5 см. По толщине стенок преобладают тонкостенные (менее 3 мм) и средние (около 5 мм). Практически у всех форм венчик с внешнего борта утолщен. Для этого с внешнего борта прилеплялся наlepной валик (ширина до 1 см) или неширокая (до 2-3 см) лента. Если валика или ленты нет, то толщина стенок плавно увеличивается к венчику (до 5-7 мм). Такое усиление края сосуда, очевидно, связано с технологическими и эксплуатационными

особенностями посуды, а также с задачей повышения прочности.

На посуде отмечаются равномерная толщина стенок в горизонтальной плоскости и симметричность изгибов формы. Скорее всего, горшки создавались с использованием примитивной подвижной подставки.

Кроме того, нельзя исключить использование при формовке способа выколотки стенок, на что указывают редкие вмятины на внутренних стенках от подставляемого под точку удара уплощенно-выпуклого предмета (гальки?). Наружная поверхность стенок ровная, часто покрытая обмазочными или жгутиковыми наlepными валиками¹, слоем обмазки, или просто замытая. По цвету керамика преимущественно серая, темно-коричневая. Обжиг неравномерный, но черепки прочные.

Все сосуды закрытой формы. Фрагментов плоских и уплощенных днищ нет. Из многочисленных выпуклых частей склеиваются блоки пяти округлых днищ. Также обнаружен один фрагмент кольцевого поддона и одно прямоугольное наlepное ушко. Таким образом, можно предположить, что на поселении преобладала круглодонная посуда, но были сосуды и на поддоне. Наlepное ушко отломилось от сосуда-дымокура.

¹ Разделение наlepных валиков проведено по способу их нанесения на сосуд [Мандрыка, 1995].

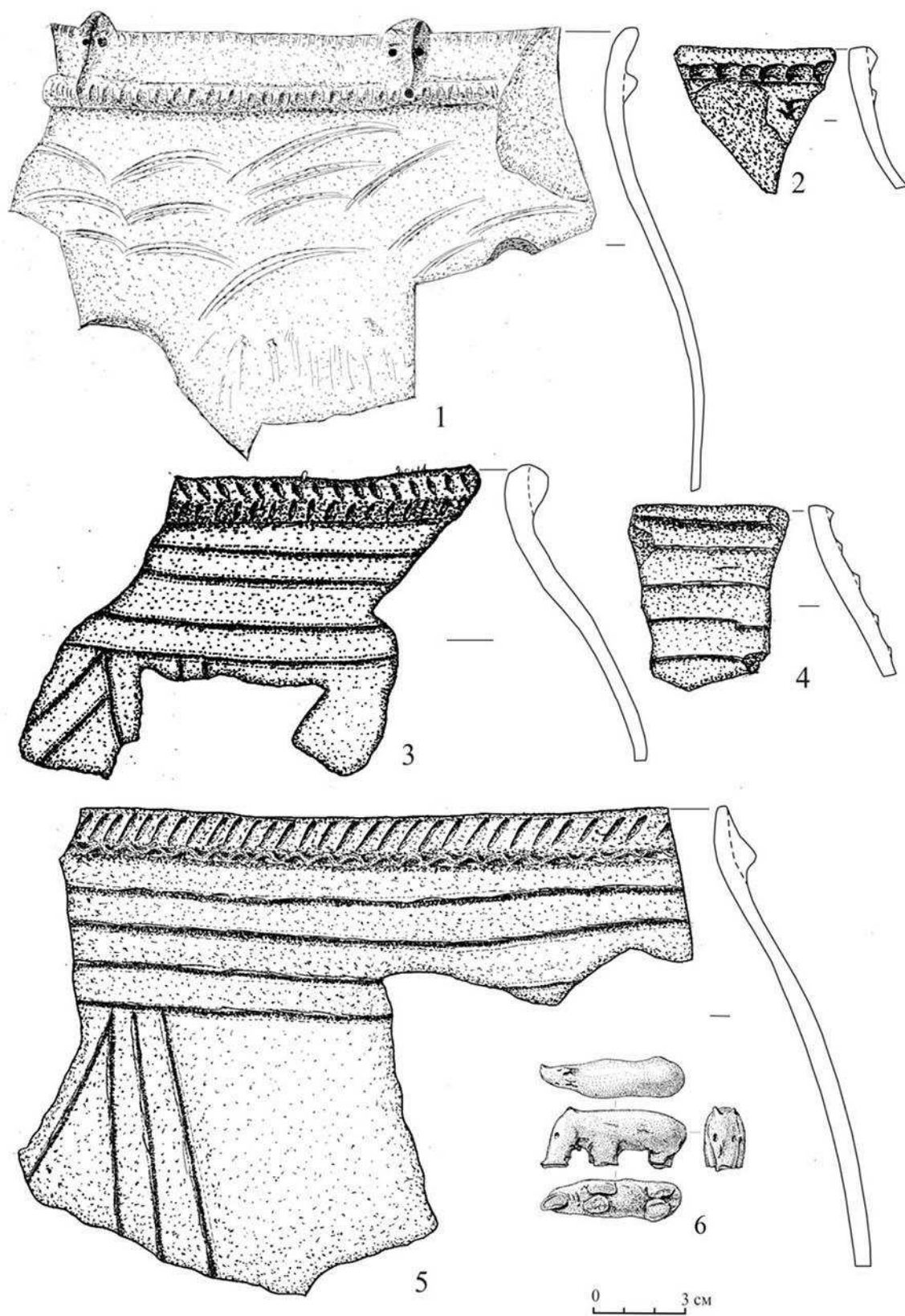

Рис. 1. Керамика (1-5) и керамическая скульптурка медведя(?) (6)
из поселения Простихинская Шивера-I

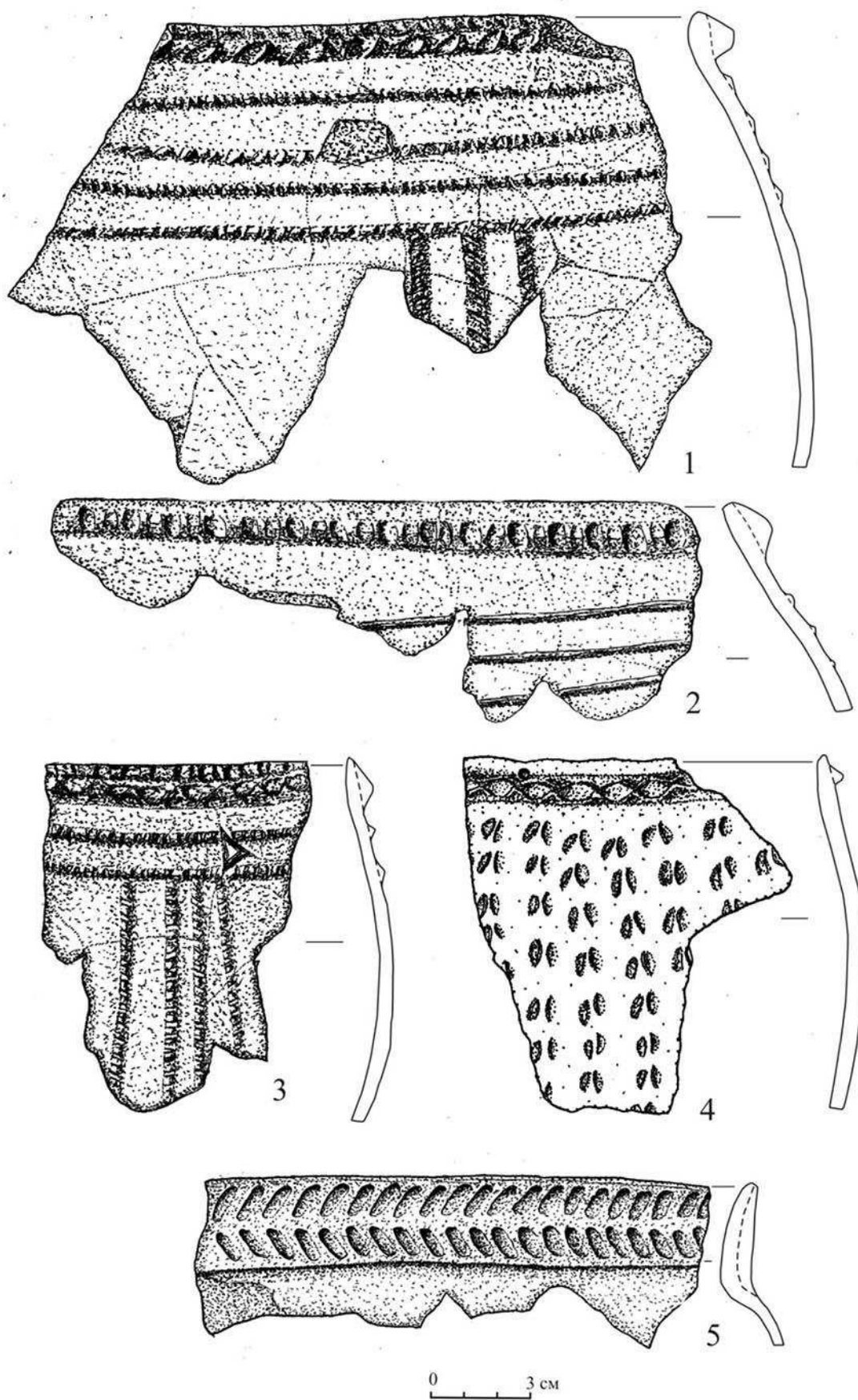

Рис. 2. Керамика (1-5) из поселения Простихинская Шивера-I

По фрагментам венчиков выделяются 4 варианта форм:

1) сосуды без шейки с прямыми или наклонными плечиками (12 экз.). У таких сосудов венчик в сечении округлый или прямой, утолщенный (рис. 1 – 2, 4; рис. 2 – 3, 4);

2) сосуды с профилированной шейкой, выраженным плечиком и выпуклым туловом (24 экз.). Венчик или шейка утолщены высоким наlepным валиком или лентой (рис. 1 – 3, 5; рис. 2 – 1, 2, 5);

3) сосуды с профилированной шейкой, слабовыраженным плечиком и слегка выпуклым туловом (3 экз.). Венчик в сечении чаще округлый или прямой (рис. 1 – 1);

4) сосуды с прямой шейкой и отогнутым плечиком, т. е. раздутым туловом (5 экз.). Характерной особенностью этой формы сосудов является оформление венчика карнизиком.

Все сосуды орнаментированы по венчику и шейке. В тех случаях, когда на формах диагностируются плечики и тулово, они тоже часто покрыты орнаментом.

Большинство узоров строилось полосой (или каймой). Они состояли из повторяющихся элементов. Так, среди орнаментов выделяются 7 элементов: валиковый, ямочный, прямоугольный, овальный, ногтевой (защипной), насечка, линия.

Элементы наносились штамповкой, защипом, наколами и протаскиванием. Некоторые из них были сложными. В валиковом по способу нанесения выделяются обмазочный и жгутиковый, при этом первый оформлялся пальцевыми

защипами, протаскиванием пальцев или ровной палочки, иногда рассекался насечкой, а второй всегда рассекался насечками, пальцевыми защипами или прямоугольным штампом.

На диагностируемых сосудах чаще всего (37 сосудов) отмечены жгутиковые валики, рассеченные пальцевыми защипами или гладкими насечками. Обмазочные валики использовались в орнаментации 28 сосудов, при этом чаще всего валики оставались гладкими (21 сосуд), реже – рассеченными (7 сосудов).

Значительно реже используются другие элементы орнамента: насечки отмечены на 18 сосудах, овальный и прямоугольный – на 10 сосудах, линия – на одном сосуде. Ямки размещались треугольником, и ими изображалась «личина». Насечки, овальный и прямоугольный элемент всегда наносились на венчик и шейку, на высокий наlepной валик (или наlepную ленту).

Среди элементарных мотивов отмечаются горизонтальный, вертикальный, наклонный и арочный. Они, в свою очередь, создают сложные мотивы: шеврон, «елочку» и личиночный.

Горизонтальный мотив является самым распространенным: он использован в украшении всех анализируемых сосудов. Остальные мотивы используются в сочетании с горизонтальным: на 13 сосудах он сочетается с шевронами, на восьми – с вертикальным, на четырех – с «елочкой». Арочный мотив встречается на двух сосудах. Один горшок орнаментирован с использованием трех мотивов: горизонтального, «елочки» и шеврона.

Наблюдаются некоторые закономерности в расположении орнаментальных мотивов на сосудах. Так, «елочка» размещается на шейке, иногда на грани наклепной ленты. Вертикальный, арочный мотивы и шевроны используются для украшения плечиков, заходя на тулово. Горизонтальный мотив отмечается на шейке и плечиках.

Композиции орнамента богаты и сложны. Простейшие узоры состоят из одного мотива и одного элемента (например, горизонтальный валик или ряд овальных наколов). Таких сосудов немного. Сложные композиции состояли из нескольких мотивов и элементов. (Например, на одном сосуде использовалось 4 элемента и два мотива.) Их сочетание явилось главным признаком, определяющим типологию орнаментов. Корреляционный метод позволяет выделить на посуде несколько групп в орнаментах поселения Проспихинская Шивера-I.

I группа. Тонковаликовый орнамент из: 1) горизонтальных гладких наклепных валиков как жгутиковых, так и обмазочных; 2) горизонтальных жгутиковых и/или обмазочных наклепных валиков, рассеченных пальцевыми защипами, насечками; 3) горизонтального жгутикового наклепного валика, рассеченного пальцевыми защипами и вертикальных обмазочных валиков; 4) обмазочных наклепных валиков, нанесенных параллельно сопряженными арками; 5) двух горизонтальных, рассеченных жгутиковых валиков и обмазочных в мотиве шеврона или наклонных линий (часть шеврона?).

II группа. Орнамент из гладких оттисков и валиков из: 1) двух параллельных

горизонтальных рядов оттисков прямоугольного или овального гладкого штампа в мотиве «елочка»; 2) таких же оттисков с обмазочными валиками, нанесенными шевроном; 3) таких же оттисков с обмазочными валиками, нанесенными горизонтально и шевроном; 4) таких же оттисков со жгутиковыми рассеченными валиками, нанесенными горизонтально и вертикально; 5) ряда оттисков гладкого штампа с горизонтальными обмазочными валиками; 6) ряда оттисков гладкого штампа с горизонтальным жгутиковым рассеченным валиком и обмазочными валиками, идущими «накладывающимися» арками.

III группа. Орнамент с овальными наколами из: 1) овальных наколов, выполненных самостоятельно; 2) овальных наколов с горизонтальными прочерченными линиями; 3) овальных наколов с горизонтальным рассеченным жгутиковым валиком; 4) овальных наколов с горизонтальными рассеченными жгутиковыми валиками и наклонными обмазочными валиками.

IV группа. Орнамент из оттисков пальцевых защипов из: 1) пальцевых защипов, идущих горизонтально; 2) пальцевых защипов, нанесенных горизонтально и вертикально.

Сопоставление орнаментов и форм венчиков показало их относительную зависимость (рис. 3). Орнаменты I группы характерны для десяти сосудов первого варианта и четырех сосудов второго варианта. Орнаменты II группы – на одном сосуде первого варианта и 17 сосудах второго варианта. Орнаменты III группы – на всех трех горшках третьего варианта и двух сосудах второ-

го варианта. Орнаменты IV группы – на всех пяти горшках четвертого варианта, на одном сосуде первого варианта и одном сосуде второго варианта.

Фактически налицо присутствие условно выделенных групп орнаментов на всех вариантах форм венчиков сосудов. Разные группы орнамента как бы дополняют или заменяют друг друга на различных формах сосудов.

Например, ряды оттисков пальцевых зацепов могут заменить наклепной ва-

лик, который формировался руками. Овальные наколы и насечки (оттиск подушечки пальца или ногтя?) по венчику, которые как будто имитировали расщепленный валик. Карнизик по венчику также как бы заменял наклепной валик под краем сосуда. Такое сочетание орнаментов и форм делает глиняную посуду поселения Простихинская Шивера-I вариативной в рамках одного керамического стиля (или керамической традиции).

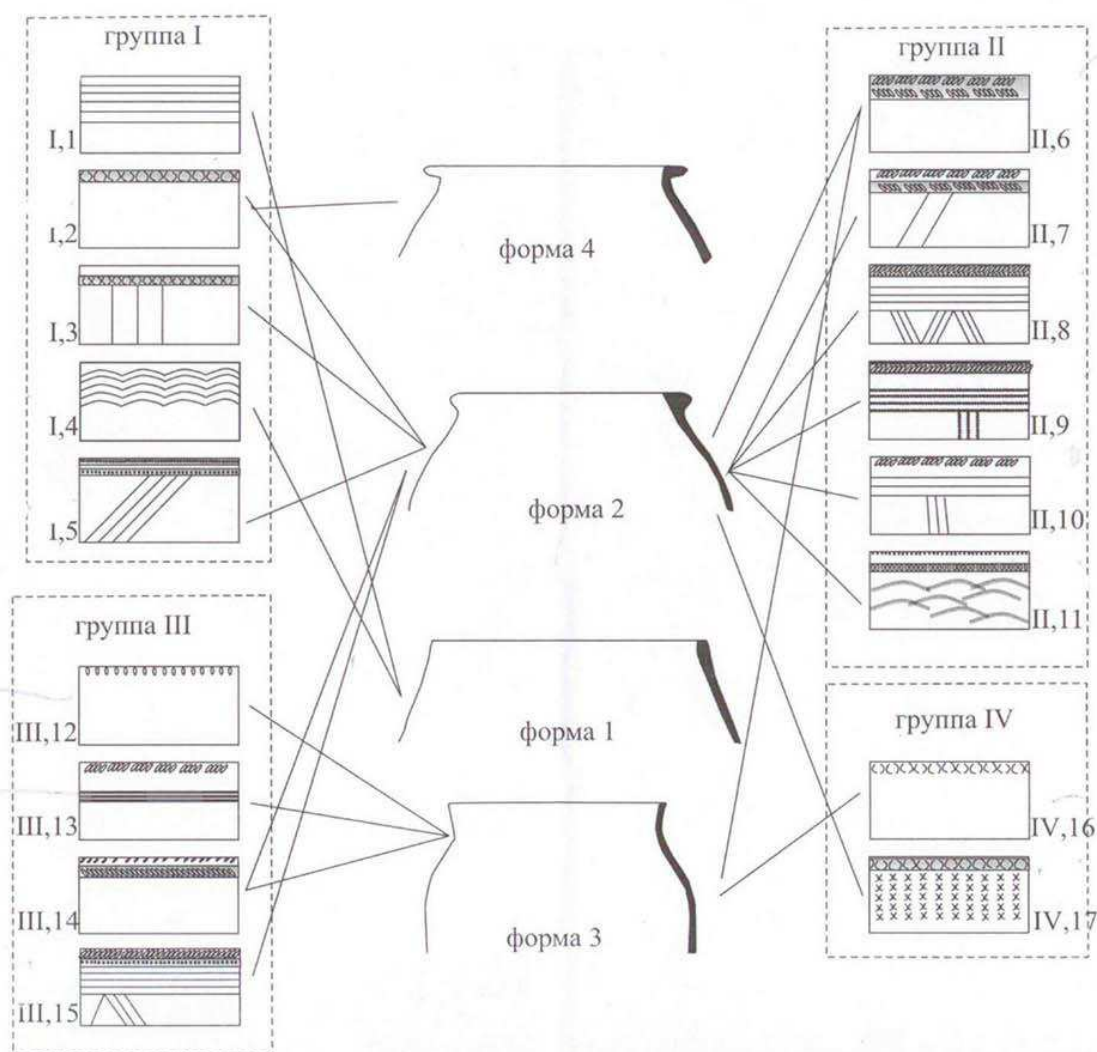

Рис. 3. Соотношение форм сосудов и орнаментов керамики поселения Простихинская Шивера-I

Кроме статичных узоров на керамике поселения есть индивидуальные дополнения к орнаменту. Так, на пяти сосудах под венчиком нанесены антропоморфные личины. Одно изображение состояло из вертикального жгутикового валика и трех ямок (рис. 1 – 1). Такое сочетание воспринимается как изображение носа, глаз и рта личины. В 4-х случаях личины изображены более схематично: тремя ямками, расположенными треугольником.

К венчику какого-то сосуда крепилось и скульптурное глиняное изображение животного (медведя?) (рис. 1 – б). Голова зверя вытянутая, овальная, опущена вниз. Глаза показаны двумя неглубокими ямками. Уши стоят торчком, выделяются небольшими плоскими выступами. Пасть не показана. Туловище вытянутой формы, округлое в сечении. Конечности вылеплены парой передних и задних лап. Лапы и морда оканчиваются в одной плоскости и по дугообразной линии (на них отпечатались узкий край сосуда). Изображение было сделано из глины с примесью дресвы, т. е. такой же формовочной массы, как и сосуды поселения. Размеры скульптурки – 1,9х4,8х1,3 см.

Керамика представленной традиции отмечена на многих памятниках Нижней и Средней Ангары (например, на поселениях со смешанным культурным слоем Стрелковское-I [Мандрыка, Фокин, 2003. С. 93], Бадарма-I [Бурилов, 1980. С. 79], Пашина, Толстый Мыс, Чадобец [Леонтьев, 1999. С. 13], Проспихинская Шивера-IV [Мандрыка и др., 2011]. Встречена подобная керамика и на Подкаменной Тунгуске – в пункте 2 стоянки Байкит [Андреев, 1966]. Известна она и на Енисее, напри-

мер, на стоянке в устье Подкаменной Тунгуски [Николаев, 1963. С. 129], на поселении Бобровка [Археология..., 2003. С. 117], Айканка [Мандрыка, 1997], могильниках Боровое и СТИ [Мандрыка, Макаров, 1994] и других [Фокин, 2008].

Наиболее близка проспихинскошверской керамике посуда, которая была найдена на стоянке и могильнике Усть-Кова в Северном Приангарье. В поселенческом(?) слое памятника, который дислоцирован под дерном, отмечена представительная коллекция керамики, включающая фрагменты венчиков и небольшие реставрированные сосуды [Дроздов и др., 1977; Дроздов и др., 1978; Дроздов, Лаухин, 1979; Леонтьев, 1987; Леонтьев и др., 2000; Леонтьев, Дроздов, 2003]. Большинство сосудов были круглодонными, диаметр венчиков – от 5 см до 26 см, высотой – от 7,5 до 28 см. Зафиксирован в слое и кубковидный сосуд на коническом поддоне [Леонтьев, Вдовин, 2010. С. 535]. По форме венчиков выделяются две группы сосудов. Одни сосуды – с отогнутым венчиком, утолщенным остросереберными валиками (или неширокой лентой) с ногтевыми вдавлениями, другие – с профилированной шейкой и венчиком, украшенным косыми насечками. Кроме налепных валиков среди орнаментов устьковинских сосудов отмечены ногтевые вдавления, оттиски плоской лопатки, округлые вдавления, прочерченные плоской палочкой линии. Среди мотивов отмечается горизонтальный, «елочка», зигзаг. В большинстве случаев на тулове сосудов орнамент размещается несколькими параллельными зонами.

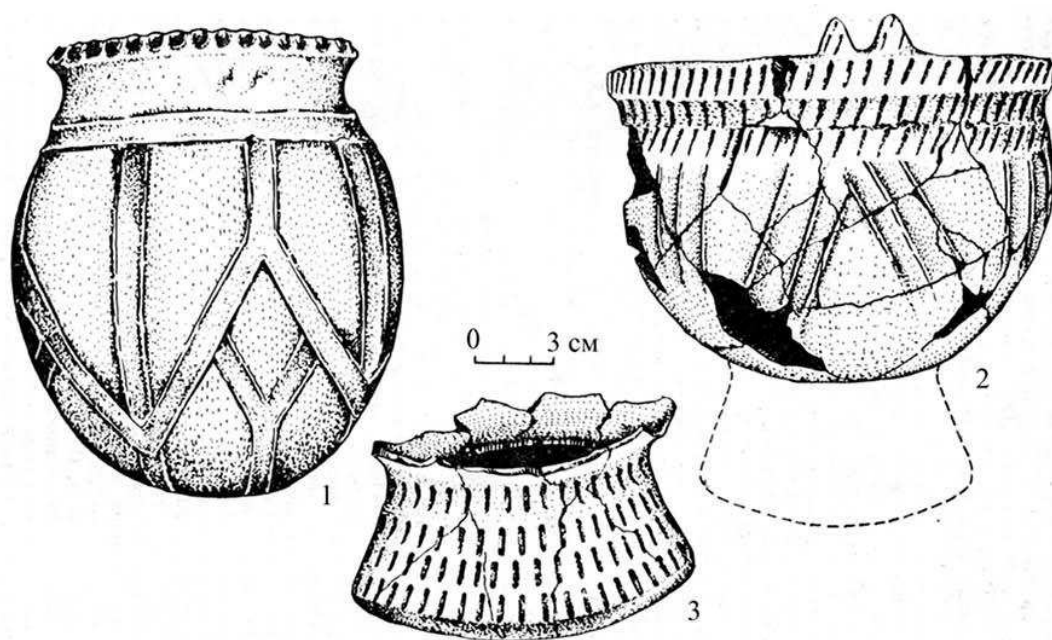

Рис. 4. Керамика из могильника Усть-Кова [по В. П. Леонтьеву, 1990]:

1 – сосуд из второго погребения, изученного в 1982 г.;

2, 3 – сосуд и поддон из первого ритуального захоронения

Такая же керамика характеризует и Усть-Ковинский могильник, где она закладывается в ямах погребений и кладов. Во втором погребении², вскрытом в 1982 г., в могиле были захоронены череп и четыре трубчатые кости человека. Круглодонный горшок размещался возле черепа³. Сосуд с профилированной шейкой и выраженным плечиком орнаментирован по венчику мелкими овальными вдавлениями. Плечики и тулово украшены тонкими парными параллельными налепными валиками, строящимися в сложный линейный ломаный узор (рис. 4 – 1). Вместе с сосудом в захоронении найдены: два железных втульчатых тесла; железный черешко-

вый нож с утолщенным, слегка изогнутым обушком, плавно переходящим в насад; нагрудное украшение из 32 бронзовых сферических бусинок, нашитых в два ряда на кожаную полосу; костяная ложка со стилизованным изображением головы животного (лось?) на рукоятке и две обработанные костяные пластинки [Леонтьев, Дроздов, 1996. С. 39-45].

В первом погребении (раскопки 1987-1988 гг.), в линзе жженных человеческих костей (вместе с железным теслом, двумя иглами и двумя язычковыми пряжками), были найдены фрагменты еще одного сосуда. Его венчик «...утолщен треугольным налепом, орнаментированным четырьмя поясами вертикальных оттисков плоского штампа» [Леонтьев, Дроздов, 1996. С. 41]. Сосуд имел слабопрофилированный венчик, тулово было украшено тонкими налепными валиками.

² Здесь и далее нумерация Усть-Ковинских погребений приводится по публикациям авторов раскопок.

³ В первой публикации материалов этого погребения сосуд не упоминается [Леонтьев, 1986].

Фрагменты керамики от третьего сосуда из могильника отмечены в линзе жженных костей второго погребения (раскопки 1987-1988 гг.) вместе с железными бусинами-пронизками, пряжкой трапецевидной формы и бронзовой каплевидной подвеской. Сосуд орнаментирован тонкими налепными валиками [Леонтьев, Дроздов, 1996. С. 41].

Из могильника известен и сосуд на поддоне, восстановленный из обломков⁴. Он был найден в одном (первом) ритуальном захоронении (кладе) костяных предметов, включавшем также 12 наконечников стрел, накладку лука(?) с изображением фигуры человека и трех параллельных зигзагообразных линий. Чаша сосуда – круглодонной формы диаметром по венчику 15,5 см и высотой 12 см. Венчик «...утолщен небольшим налепом, орнаментированным тремя горизонтальными рядами наклонных оттисков прямого плоского штампа. Тулово сосуда украшают три ряда наклонных линий, образованных тонкими примазанными жгутиками. Верхний край венчика в двух местах украшают

попарно расположенные треугольники, орнаментированные оттисками прямого плоского штампа» (рис. 4 – 2) [Леонтьев, Дроздов, 1996. С. 40].

Поддон от этого сосуда был найден в слое вне погребения. Он кольцевидный, приставлялся и примазывался к округлому дну чаши сосуда, орнаментирован четырьмя рядами вертикальных оттисков плоского штампа. Высота поддона 4 см, диаметр основания 10,5 см, диаметр «посадочного места тулова сосуда на поддон 7,5 см» (рис. 4 – 3) [Леонтьев, Дроздов, 1996. С. 41].

По мнению авторов раскопок, материал погребений и ритуальных захоронений Усть-Ковинского могильника следует отнести к VI-XII вв. н. э. [Леонтьев, Дроздов, 1997; Леонтьев и др., 2005а. С. 129; Леонтьев и др., 2005б. С. 30].

Таким образом, представленная керамика с Усть-Ковы и Проспихинской Шиверы-I имеет четкую культурно-хронологическую локализацию и может выступить эталоном для средневековых памятников Приангарья. Поэтому мы предлагаем назвать стиль этой керамики «усть-ковинским», что позволит вычленять такую посуду из общего пласта валиковой керамики Сибири [Фокин, 2008. С. 213; Мандрыка, 2011].

⁴ В других публикациях указывается, что вещи были помещены в сосуд [Хроностратиграфия..., 1990, с.159; Леонтьев, Дроздов, Макулов, 2005, с. 129; Леонтьев, Вдовин, 2010, с. 535].

Список литературы

- Андреев, Г. И. Новые археологические памятники по р. Подкаменная Тунгуска / Г. И. Андреев // КСИА. – Вып. 106. – 1966. – С. 106-110.
- Археология и палеоэкология многослойного поселения Бобровка на Среднем Енисее / П. В. Мандрыка, А. А. Ямских, Л. А. Орлова, Г. Ю. Ямских, А. А. Гольева. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т., 2003. – 222 с.
- Бурилов, В. В. Материалы раскопок многослойных памятников Бадарма 1, 3 на Средней Ангаре / В. В. Бурилов // Материалы по археологии Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980.

Дроздов, Н. И. Исследования стоянки Усть-Кова в среднем течении Ангары / Н. И. Дроздов, С. А. Лаухин. // Археологические открытия 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 222.

Дроздов, Н. И. Раскопки Усть-Ковинской стоянки / Н. И. Дроздов, С. А. Лаухин, Н. Х. Сейфулин // Археологические открытия 1976 года. – М.: Наука, 1977. – С. 227.

Дроздов, Н. И. Раскопки Усть-Ковинской стоянки / Н. И. Дроздов, С. А. Лаухин, Н. Х. Сейфулин // Археологические открытия 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 227-228.

Леонтьев, В. П. Погребения железного века на стоянке Усть-Кова / В. П. Леонтьев // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. Тезисы докладов к региональной конференции 13-15 окт. 1986 года. – Иркутск: Иркутский университет, 1986. – С. 128-129.

Леонтьев, В. П. Краткая характеристика керамики раннего железного века стоянки Усть-Кова / В. П. Леонтьев // Проблемы археологии Евразии. Ч.2. – Кемерово, 1987. – С. 76-78.

Леонтьев, В. П. Железный век Северного Приангарья: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. / В. П. Леонтьев. – Новосибирск, 1999. – 24 с.

Леонтьев, В. П. Предварительные итоги археологических исследований стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье в 2010 году / В. П. Леонтьев, А. С. Вдовин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010 г. – Т. XVI. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2010. – С. 534-537.

Леонтьев, В. П. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре / В. П. Леонтьев, Н. И. Дроздов // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск: Наука, 1996. – № 3. – С. 39-45.

Леонтьев, В. П. Новые материалы железного века со стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье / В. П. Леонтьев, Н. И. Дроздов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г., посвященной 95-летию со дня рождения академика А. П. Окладникова) – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX., Ч. I. – С. 408-411.

Леонтьев, В. П. Памятники железного века Северного Приангарья и их культурно-хронологическая периодизация / В. П. Леонтьев, Н. И. Дроздов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы V Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 1997. – Т. III. – С. 219-221.

Леонтьев, В. П. К истории Северного Приангарья в эпоху средневековья / В. П. Леонтьев, Н. И. Дроздов, В. И. Макулов // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск, РИО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005а. – С. 129-131.

Леонтьев, В. П. Новые данные по средневековой истории Северного Приангарья / В. П. Леонтьев, Н. И. Дроздов, В. И. Макулов // Археология Южной Сибири. –

Вып. 23. Сб. научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения В.В.Боброва. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005б. – С. 30-31.

Археологические исследования на стоянке Усть-Кова в Северном Приангарье в 2000 году / Леонтьев В. П. и др. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. (Материалы годовой юбилейной сессии Института археологии и этнографии СО РАН, декабрь 2000 г.). – Т. VI. – Новосибирск, 2000. – С. 332-333.

Мандрыка, П. В. Приемы описания керамики валикового типа / П. В. Мандрыка // Методика комплексного исследования культур и народов Западной Сибири. Тез. докладов X Западно-сибирской археолого-этнографического совещания памяти В. Н. Чернецова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – С. 114-116.

Мандрыка, П. В. Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка или к вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в Красноярской лесостепи / П. В. Мандрыка // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: ТУСУР, 1997. – С. 209-217.

Мандрыка, П. В. Тонковаликовая керамика раннего железного века из южнотаежной зоны среднего Енисея / П. В. Мандрыка // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – Т. 10. Вып. 3. – Археология и этнография. – 2011. – С. 118-126.

Мандрыка, П. В. Погребения с трупосожжением в окрестностях Красноярска (к вопросу о выделении памятников нового культурного типа) / П. В. Мандрыка, Н.П. Макаров // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1994. – С. 68-84.

Мандрыка, П. В. Материалы средневекового селища у Проспихинской шиверы в Нижнем Приангарье (предварительное сообщение) / П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова // Окно в неведомый мир: сборник статей к 100-летию со дня рождения А. П. Окладникова. – Новосибирск: Издательство ИАЭ СО РАН, 2008. – С. 279-284.

Мандрыка, П. В. Результаты работ на ансамбле археологических памятников Шивера Проспихино на Ангаре / П. В. Мандрыка, П. О. Сенотрусова, К. В. Бирюлева // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – Т. XVII – С. 432 – 436

Мандрыка П. В. Поселение Стрелковское-1 – новый многослойный памятник в нижнем течении реки Ангары / П. В. Мандрыка, С. М. Фокин // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. – Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2003. – С. 92-98.

Николаев, Р. В. Материалы к археологической карте севера Красноярского края / Р. В. Николаев // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края – Красноярск: КККМ, 1963. – С. 127-131.

Мандрыка, П. В. Поселение Стрелковское – 1 – новый многослойный памятник в нижнем течении реки Ангары / П. В. Мандрыка, С. М. Фокин // Социогенез Северной

Азии: прошлое, настоящее, будущее: материалы Региональной науч.-практ. конф. – Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2003. – С. 92-98.

Фокин, С. М. К вопросу о распространении средневековой валиковой керамики в Приенисейской Сибири / С. М. Фокин // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. – Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2008. – С. 210-214.

Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея). Путеводитель Международного симпозиума «Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (палеоэкологический аспект)». – Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – 184 с.